

СОДЕРЖАНИЕ

От авторов. Всё ли могут короли? 7

ГЛАВА 1

ЖЕЛТЫЕ ДЕМОНЫ. ЭНТОМОЛОГИЯ ВО ДВОРЦЕ КАВКАЗСКОГО НАМЕСТНИКА

Его императорское высочество великий князь Николай Михайлович	13
Долг, порядок и дисциплина	18
Наглядное изучение естествознания	24
Бабочки — объект науки и предмет торговли	27
Два Густава Ивановича — Радде и Сиверс.....	31
Первая научная статья и первый помощник. Гуго Кристоф ...	37
Энтомология — увлечение респектабельное.....	43
Портрет первый. Густав Радде	47

ГЛАВА 2

ЭНТОМОЛОГИЯ В НОВО-МИХАЙЛОВСКОМ ДВОРЦЕ

Дворец на набережной Невы.....	83
Энтомология и энтомологи в России конца позапрошлого века	88
Рождение великокняжеского энтомологического кружка. Отто Герц и Сергей Алфераки.....	97

Кружок расширяется: Григорий Грумм-Гржимайло	104
Бабочки, конкуренция и «немецкий вопрос»	111
«Mémoires sur les Lépidoptères»	117
Любители vs профессионалы.....	122
Портрет второй. Григорий Грумм-Гржимайло	129

ГЛАВА 3

ИЗ ДВОРЦА В МУЗЕЙ: ЗАВЕРШЕНИЕ ЭНТОМОЛОГИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ

«Кружок рассыпается окончательно...»	168
Финансовый авантюрист в Ново-Михайловском дворце.....	174
Царский подарок Зоологическому музею.....	179
С благодарностью к сотрудникам.....	182
Профессионалы vs любители.....	185
Жизнетворчество.....	195
Подводя итог.....	205
Портрет третий. Сергей Алфераки	208
Портрет четвертый. Отто Герц.....	235
Приложение	257
<i>Исторические документы</i>	<i>258</i>
<i>Основные научные труды великого князя Николая Михайловича</i>	<i>277</i>
<i>Список обществ и учреждений, в которых великий князь Николай Михайлович состоял председателем, покровителем, почетным членом</i>	<i>280</i>
<i>Список сокращений</i>	<i>283</i>
Иллюстрации	284
Примечания	296
Предметно-именной указатель	341

ОТ АВТОРОВ

ВСЁ ЛИ МОГУТ КОРОЛИ?

Многим памятен, наверное, шлягер 80-х гг. прошлого века «Всё могут короли». В самом конце этой задорной песенки выясняется, что могут они не всё, потому что «жениться по любви не может ни один, ни один король»¹. На самом же деле короли много чего не могут. Появиться на свет в монаршей семье — это не только привилегия и счастливый билет, но и большая ответственность, а также целый ряд ограничений и условностей, от которых свободны обычные люди. Даже выбор жизненного пути для августейших персон серьезно ограничен. Это случается и в наши дни, не говоря уже о более патриархальных временах, когда царским ремеслом были почти исключительно война и политика. А что делать наследнику престола, даже далеко не первому в «очереди», если ему хочется посвятить жизнь чему-то другому — стать художником, путешественником или, к примеру, изучать бабочек? Такие желания с трудом совмещаются с образом жизни и занятий, предписанным особе царской крови. Вот почему среди королей, императоров, принцев и султанов настоящего и прошлого не так много тех, кто прославился на поприще науки или искусства.

Сами ученые и художники тоже редко расположены к попыткам царей, а также их родственников и свойственников войти на равных в их профессиональную среду, не имея соответствующих знаний и опыта. При этом покровительство и меце-

натство со стороны августейших особ принимается, разумеется, вполне благосклонно.

С античных времен дошла до нас история о египетском царе Птолемее, задумавшем изучать геометрию под руководством знаменитого математика Евклида. Наука показалась царю весьма трудной, и он попросил наставника упростить ее изучение. «Царских путей к геометрии нет!» — произнес в ответ Евклид.

Но великий математик был прав лишь отчасти. Книга, которую держит в руках читатель, рассказывает об одном редком исключении из утверждения Евклида, которым стал путь в науку нашего героя — представителя семьи Романовых, великого князя Николая Михайловича (1859–1919). Но в его случае речь идет не о легкости познания науки, а о возможностях представителя правящей династии реализовать себя на этом поприще. Николай Михайлович смог стать полноправным членом научного сообщества, признанным специалистом в двух далеких друг от друга дисциплинах — отечественной истории и лепидоптерологии (раздел энтомологии, изучающий бабочек, отряд *Lepidoptera*). Он — автор целого ряда научных публикаций, актуальных и востребованных до сих пор. При этом успехи Николая Михайловича в области энтомологии (высоко оцененные профессионалами) долгое время оставались как бы в тени его исторических исследований. Памятником лепидоптерологическим занятиям Николая Михайловича стала одна из крупнейших в мире частных коллекций бабочек, переданная им в 1900 г. в дар Зоологическому музею Императорской Академии наук. А собранный великим князем коллектив помощников и единомышленников в последние десятилетия XIX в. являлся одним из важнейших центров науки о насекомых в нашей стране.

Занимаясь историей энтомологических штудий Николая Михайловича, мы изучили обширную литературу о великом князе и архивные документы. С течением времени сюжет о том, как Николай Михайлович увлекся коллекционированием бабо-

чек и что из этого получилось, обрстал многочисленными деталями и подробностями. В эту орбиту оказались втянуты известные и не очень известные личности — от императора Николая II и писателя Владимира Набокова до скромных любителей-энтомологов и натуралистов, имена которых сегодня, к сожалению, мало что говорят простому читателю.

Опубликовав несколько статей в научных журналах, адресованных узким специалистам, мы решили, что история великого князя — ученого-энтомолога и коллекционера бабочек — заслуживает более широкого освещения. Не менее интересна история самой коллекции и людей, которые помогли великому князю сделать любительское увлечение научным занятием. Все это может привлечь внимание не только профессиональных историков, но и широкой читающей публики — всех, кого интересует энтомология и/или история российского императорского дома. Так появилась на свет эта книга.

Не все детали биографии Николая Михайловича и истории его лепидоптерологического увлечения нам известны, не на все вопросы мы смогли найти ответы. Однако мы старались при написании книги не заполнять пробелы в своих знаниях фантазиями и допущениями, а если высказывали собственные предположения, то опирались на известные факты или исторические источники. Поэтому в книге много ссылок на публикации и архивные документы. К ним может обратиться любой читатель и либо принять наше мнение, либо составить свое собственное. За это мы признательны издательству «Альпина нон-фикшн», редакторы которого не только не боятся давать в книгах многочисленные ссылки, но и настаивают на обоснованности приводимых утверждений. Далеко не все авторы и издатели научно-популярных книг следуют этому правилу, лишая читателей возможности оценить достоверность изложенного материала².

Важное значение при подготовке книги имели воспоминания и мемуары лиц, близко знавших Николая Михайловича,

и их переписка³. Эти материалы позволили взглянуть на закули-сье научной повседневности великого князя, наполнить живыми эмоциями ее событийное и смысловое содержание. Чтобы создать эффект погружения в прошлое, мы старались цитировать подлинные документы и личные свидетельства — на наш взгляд, это лучше любых пересказов или анализов передает дух эпохи и характер героев повествования. Немало ценного для понимания причин увлечения бабочками в различных слоях русского общества, сути и особенностей коллекторской работы содержится в произведениях писателя и профессионального энтомолога Владимира Набокова «Другие берега» (1954) и «Дар» (1938). Полные лепидоптерологических сюжетов и мотивов, они стали одними из наших проводников в мир чешуекрылых и их исследователей.

Сам Николай Михайлович, как историк, ценность дневников и мемуаров вполне понимал и в конце жизни написал воспоминания о прожитых годах. Они были опубликованы уже после революции в журнале «Красный архив». К нашему сожалению, эти тексты посвящены не лепидоптерологии, а другим, не менее интересным темам: встречам со Львом Толстым, событиям Первой мировой войны, убийству Григория Распутина, Февральской революции⁴.

Конечно, воспоминания, особенно написанные много лет спустя после рассматриваемых событий, не всегда являются надежным источником. И не только потому, что их авторы склонны иногда лукавить, расставляя акценты так, чтобы представить себя в выгодном свете, а то и просто дезинформировать читателя. Сама природа человеческой памяти допускает бессознательные искажения и аберрации. Вспоминается высказывание авторитетного французского историка Марка Блока (1886–1944), который писал: «Даже самые наивные полицейские прекрасно знают, что свидетелям нельзя верить на слово. Но если всегда исходить из этого общего соображения, можно вовсе не добиться никакого толка»⁵. Поэтому авторы серьез-

ных исторических трудов обязательно сверяют содержащуюся в мемуарах информацию с другими источниками. Так же поступали и мы.

Еще нужно сказать, что авторы этой книги не имеют профессионального отношения к бабочкам и лепидоптерологии. Максим Винарский — зоолог и историк биологии, но как зоолог он специализируется на изучении моллюсков, а не чешуекрылых. Татьяна Юсупова — историк, специалист по международным связям отечественной Академии наук и российским исследованиям Центральной Азии в XIX — начале XX в. Наверное, отсутствие глубоких знаний о бабочках лишило наше повествование деталей, которые мог бы акцентировать профессиональный лепидоптеролог. Но, с другой стороны, «энтомологический дилетантизм» позволяет нам не поддаваться неизбежным для любого специалиста личным склонностям и пристрастиям к своим объектам исследований. Поэтому мы не ставили своей целью погружение в профессиональные тонкости лепидоптерологии, а сосредоточились на Николае Михайловиче как коллекционере бабочек и людях, помогавших ему профессионально реализоваться. Мы старались, чтобы в этой истории яркая, социально значимая фигура Николая Михайловича не заслонила его помощников. Все они были личностями незаурядными, каждый по-своему интересен и оригинален. В книге мы даем портреты четырех из них — самых близких, внесших наибольший вклад в становление и деятельность Николая Михайловича как исследователя, а также в формирование его коллекции бабочек. Это Г. И. Радде, Г. Е. Грумм-Гржимайло, С. Н. Алфераки и О. Герц.

В качестве приложения к основному тексту мы решили поместить в конце книги несколько архивных документов, помогающих, на наш взгляд, глубже понять героев, их взаимоотношения и историческую эпоху, в которой происходит действие рассказа.

Краткие сведения о Николае Михайловиче содержатся во многих книгах и статьях, посвященных династии Романовых.

Одной из первых, кто обратился к личности великого князя, была доктор исторических наук Диляра Ибрагимовна Исмаил-Заде⁶. Но подробная биография нашего героя еще не написана⁷. Мы рассмотрели только один сюжет сложной канвы его жизни: деятельность исследователя-энтомолога и создание энтомологического кружка. Нам очень хотелось бы надеяться, что наш скромный труд побудит других исследователей написать о нашем герое историческую монографию, в которой во всей полноте прослеживались его жизнь и многочисленные стороны его незаурядной личности.

При работе над книгой мы пользовались советами и помощью наших коллег: историков, историков науки, биологов. Всем им мы выражаем искреннюю признательность. Мы также благодарны сотрудникам Государственного архива РФ, Российского государственного исторического архива, Санкт-Петербургского филиала Архива РАН, Архива Русского географического общества, Отдела рукописей Российской национальной библиотеки за помощь в выявлении материалов по теме нашего исследования. Особая признательность научному редактору книги кандидату исторических наук Е. В. Пчелову за критические замечания и предложения по подготовке рукописи, которые мы в силу своих способностей и возможностей постарались учесть.

ГЛАВА 1

ЖЕЛТЫЕ ДЕМОНЫ. ЭНТОМОЛОГИЯ ВО ДВОРЦЕ КАВКАЗСКОГО НАМЕСТНИКА

Удар сачка, — и в сетке шелест громкий.
О, желтый демон, как трепещешь ты!
Боюсь порвать зубчатые каемки
И черные тончайшие хвосты.
Нацелишься, — но помешают ветки;
Взмахнешь, — но он блеснул, и был таков,
И сыплются из вывернутой сетки
Лишь сорванные крестики цветов...

В. НАБОКОВ.
БАБОЧКИ (1917–1922)

ЕГО ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЫСОЧЕСТВО ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ НИКОЛАЙ МИХАЙЛОВИЧ

Герой нашей книги — хорошо известная историческая фигура. Многогранная деятельность, яркие события и громкие скандалы наполняли его жизнь. Он был успешным военным, ученым, коллекционером, путешественником, охотником, издателем, предпринимателем, политиком, щедрым меценатом и даже азартным игроком в рулетку.

Художник Александр Бенуа в своих мемуарах оставил нам его выразительный словесный портрет: «Высокого роста, чуть сутулый <...> красивое, значительное лицо было несколько восточного типа (в иллюстрациях детских сказок такими обычно изображаются всякие татарские ханы или индийские принцы и раджи) <...> статная и склонная к полноте, но все же стройная и очень эффектная фигура...»¹

Современники считали его самым интеллектуальным и эрудированным из членов царской фамилии, сторонником весьма либеральных взглядов на политику и фрондером, не боявшимся открыто высказывать свое мнение. «Язык мой без костей, я могу вспылить и наговорить дерзостей, но я не боюсь ни людей, ни клеветы; многому научился в молодых годах и научился в зрелом возрасте, ровно ничего не ищу, но хотел бы принести действительную пользу тебе и нашей дорогой России»² — так писал Николай Михайлович о себе и собственном жизненном кредо своему двоюродному племяннику, последнему российскому императору Николаю II. Императрица Александра Федоровна, супруга Николая, считала нашего героя своим «величайшим врагом в семье», «опасным элементом» и «воплощением всего дурного». И в конце концов она добилась от мужа его высылки из столицы в имение, расположенное в Херсонской губернии³. Это произошло в канун нового, 1917 г., когда Российской империи оставалось существовать чуть более двух месяцев...

В начале 1919 г. большевики вынесли смертный приговор Николаю Михайловичу. О его помиловании хлопотал перед Лениным самый пролетарский писатель Максим Горький. Он доказывал, что нет никакой необходимости убивать автора ценных исторических трудов, «передовой образ мысли» которого всем прекрасно известен. С таким же прошением к правительству обратилась и Российская академия наук, почетным членом которой с 1898 г. был наш герой. Но Ленин остался непреклонен. Ответ вождя: «Революция не нуждается в историках!» — решил

судьбу арестованного. Вместе с тремя другими великими князьями он был расстрелян⁴. Об этом рассказывает великий князь Александр Михайлович — один из двух его братьев, которым посчастливилось избежать жерновов красного террора и дожить до того возраста, когда люди садятся писать мемуары⁵.

Через пять лет после гибели героя нашей книги один советский историк в идеологически ангажированной и очень пристрастной статье писал о нем как о «более развитом», чем прочие, но при этом «одном из наиболее зловредных» представителей «плюгавой семейки» Романовых, носившей, по его словам, «явные следы умственного и психического вырождения»⁶. (Заметьте, как совпали оценки советского историка и покойной супруги Николая II!)

Все это сказано и написано о великом князе Николае Михайловиче, родившемся 14 апреля 1859 г. (по старому стилю) и погибшем в Петропавловской крепости в Петрограде в январе 1919 г.⁷

Век спустя оценки и высказывания стали куда более взвешенными.

Сегодня мы знаем Николая Михайловича как признанного специалиста по истории России XIX в., автора многих книг и составителя сборников ценных архивных документов⁸. Николай Михайлович — практически единственный представитель династии Романовых, который добился значительных научных результатов и может быть без всяких оговорок и натяжек назван состоявшимся ученым. Из других членов августейшей фамилии в этом отношении с ним мог сравниться только его младший брат, великий князь Георгий Михайлович — увлеченный нумизмат, автор фундаментального труда «Корпус русских монет XIII–XIX вв.»⁹. Но если научные интересы Георгия Михайловича были сосредоточены почти исключительно на нумизматике, то его старший брат кроме исторической науки смог внести заметный вклад и в совершенно другую область знания — энтомологию. Он собрал одну из крупнейших в мире частных коллекций бабочек и опубликовал о них ряд научных

трудов. Два увлечения, две столь далекие друг от друга сферы — наука о насекомых и история государства Российского! Как они совмещались в голове и поступках сиятельного аристократа, родившегося и проведшего жизнь у ступеней царского трона?

Помимо научных занятий Николай Михайлович, как и большинство представителей царствующего дома, покровительствовал различным учреждениям, включая и научные общества. Он был также председателем Императорских Русского географического (с 1892 г.) и Русского исторического (с 1910 г.) обществ, почетным председателем Русского энтомологического (с 1881 г.) и Русского военно-исторического (с 1908 г.) обществ, председателем Общества защиты и сохранения в России памятников искусства и старины (с 1910 г.), почетным членом Московского археологического института (с 1908 г.), почетным председателем Общества друзей Румянцевского музея (с 1913 г.), покровителем Уральского общества любителей естествознания (с 1911 г.)¹⁰. И это далеко не полный перечень научных обществ дореволюционной России, главой и покровителем которых являлся великий князь.

Руководство и покровительство Николая Михайловича не было формальным. Высочайший патрон глубоко вникал в дела опекаемых им обществ, помогал развивать их деятельность, выступал как меценат. Благодаря его финансовой поддержке Русское энтомологическое общество (РЭО) и Русское географическое общество осуществили целый ряд крупных экспедиций.

Когда в 1915 г. скончался великий князь Константин Константинович, с 1889 г. занимавший пост президента Императорской Академии наук, именно Николаю Михайловичу было предложено занять его место. Он отказался, причем дважды. «Это дело положительно не по мне: я это чувствую нюхом», — объяснил он свой поступок в письме к императору и рекомендовал назначить на эту должность кого-нибудь, не принадлежащего к царствующему дому¹¹.

Известен нам Николай Михайлович и как политик, деятельный участник «великокняжеской оппозиции», стремившейся отстранить от управления страной Григория Распутина. Он один из немногих членов семьи Романовых отваживался говорить Николаю II правду о губительном влиянии фаворита императрицы на проводимую им политику¹². Отсюда и ярость Александры Федоровны, и вынужденный отъезд Николая Михайловича в имение как раз накануне великих событий, сокрушивших династию.

Но наша книга не о политике, не о революциях. Не о бурном потоке истории, подхватившем однажды нашего героя и понесшем его, как щепку, навстречу неотвратимому. В мае 1917 г. в разговоре с французским послом в России Морисом Палеологом он бросил фразу: «Не могу же я забыть, что я висельник!»¹³ Как специалист, хорошо знавший бурные повороты истории государства Российского, Николай Михайлович не мог не понимать свою обреченность. Понимал, хотя и надеялся до последнего, что новая власть позволит ему вести жизнь обычного человека, не занимающегося политикой и целиком ушедшего в архивные изыскания. Даже в тюрьме, в ожидании собственной участи, он работал, готовил монографию о Михаиле Сперанском — российском реформаторе эпохи Александра I.

Мы почти не будем касаться событий бурного и кровавого XX в., сосредоточившись на первой половине жизни великого князя (1860–1890-е гг.), на которую пришлось самые спокойные, плодотворные и счастливые ее годы. Годы становления, когда он выстраивал систему личных ценностей, определял свои приоритеты, свое жизненное призвание. Больше всего нас интересовало, каким образом великий князь Николай Михайлович добился немалых успехов в энтомологии, не порывая со своей средой и не отказываясь от блестящей военной карьеры, уготованной ему с рождения. Как ему это удалось? Приступим к нашему рассказу.

ДОЛГ, ПОРЯДОК И ДИСЦИПЛИНА

Великий князь Николай Михайлович родился 14 апреля 1859 г. в Царском Селе и приходился внуком императору Николаю I. Спустя три года его отец, великий князь Михаил Николаевич (1832–1909), был назначен наместником на Кавказ и командующим Кавказской армией. На юг, в Тифлис (современный Тбилиси), за ним последовала и вся семья. У юного Николая было пятеро младших братьев и одна сестра: Михаил (1861–1929), Георгий (1863–1919), Александр (1866–1933), Сергей (1869–1918), Алексей (1875–1895) и Анастасия (1860–1922). Их детство и юность прошли в Тифлисе и в боржомском имении отца. Дети кавказского наместника росли под южным солнцем, среди субтропической природы, куда более роскошной и разнообразной, чем на берегах холодной Балтики. Поездки за пределы Кавказа и Крыма были нечасты.

В 1864 г. Михаилу Николаевичу удалось успешно завершить войну с кавказскими племенами, тянувшуюся к тому времени уже целых шесть десятилетий. Образ дикого и первобытного Кавказа, воспетого русскими классиками Пушкиным, Лермонтовым, Львом Толстым, стал постепенно уходить в прошлое. В Тифлисе рядом с беспорядочным нагромождением мелких лавочек и базаров, кустарных мастерских и серных бань, описанных Пушкиным¹⁴, выросли кварталы современных зданий и государственных учреждений. Были выстроены театры, больницы, гимназии, училища, ботанический сад. В январе 1867 г. в городе открылся Кавказский музей, который уже через 15 лет, по мнению его директора Густава Радде (об этом замечательном человеке мы подробнее расскажем далее), стал лучшим из всех провинциальных музеев России¹⁵. При этом Радде отмечал, что Тифлис имел «вид большого города с европейским типом на одной половине и совершенно азиатским характером — на другой»¹⁶. Из окон дворца кавказского наместника, располагавшегося на главном проспекте города — Головинском (ныне проспект Руставели), его дети могли наблюдать представителей

разных кавказских народностей и картины своеобразного восточного быта. Это была другая Россия, и географически, и этнографически далекая от столичного чиновного Петербурга и от патриархальной купеческой Москвы. Это во многом был еще типичный «восток», южный фронт империи, откуда вели дороги в более экзотические для русского человека страны — Турцию, Персию, Индию...

В гостеприимном доме кавказского наместника за обеденным столом собиралось ежедневно не менее 30–40 человек: официальные лица, восточные властители, общественные деятели, офицеры, учителя и воспитатели юных князей, другие гости. Дети Михаила Николаевича обязательно присутствовали за общим столом¹⁷. Жизнь в атмосфере, не пропитанной казенным столичным духом, наполненная общением с самыми разными людьми, знакомство с их мнениями и проблемами, несомненно, повлияли на личностное становление великих князей Михайловичей, как их называли августейшие родственники. Они были более вольнолюбивы, не столь консервативны в своих взглядах, чем большинство их сверстников из числа великих князей. В семье Романовых Михайловичи составили несколько обособленную группу «кавказцев», нередко вступающих в конфликты и оппозицию с великими князьями — «северянами»¹⁸. Родственники считали их опасными радикалами, и совсем не напрасно. В юности Михайловичи даже задумывались, не устроить ли им бунт против Петербурга, отделить Кавказ от России и самостоятельно править этим благодатным, очаровавшим их краем¹⁹. Повзрослев, Николай Михайлович стал противником абсолютизма и сторонником либеральной парламентской республики во французском духе и «часто забывал, что Невский проспект и Елисейские Поля — это далеко не одно и то же»²⁰.

Только наивный человек может подумать, что рождение в великокняжеской семье давало привилегию на самую беззаботную и полную удовольствий, обеспеченную жизнь.

Итальянское *dolce far niente* (сладкое ничегонеделанье) было уделом неаполитанских нищих, а не сыновей кавказского наместника.

Соответственно действовавшему в Российской империи «Учреждению об Императорской фамилии»²¹, великие князья были обязаны нести воинскую или государственную службу на пользу Отечества. Этой цели подчинялись их воспитание и образование. Впервые целостную систему воспитательных принципов и программу образования юных великих князей разработал поэт В. А. Жуковский для детей Николая I. В ее основу были положены формирование высоких нравственных идеалов, развитие самодисциплины и организованности, курс общеобразовательных предметов, физическая подготовка и углубленное изучение военной науки²². Пройдя такую выучку, сын Николая I великий князь Михаил Николаевич следовал этим принципам и в деле воспитания собственных детей. Как и его отец, он лично следил, чтобы «его дети были воспитаны в военном духе, строгой дисциплине и сознании долга»²³. Никаких нежностей и сюсюканья. Никаких поблажек. Даже их мать Ольга Федоровна (1839–1891), урожденная немецкая принцесса Цецилия-Августа Баденская, держала себя с сыновьями по-аристократически холодно.

Согласно традиции, достигнув семилетнего возраста, юные великие князья получали на день рождения свой первый мундир и саблю, что означало начало их военной службы. Из отдельной детской их переводили в общую с другими братьями комнату, больше напоминающую казарму. С этого дня воспитание великих князей «было подобно прохождению строевой службы в полку»²⁴, со всеми присущими этому делу строгостями.

Чтобы лучше понять, в каких условиях и какими методами воспитывался наш герой, как выковывались его личность и характер, обратимся к мемуарам его младшего брата, великого князя Александра Михайловича, впервые опубликованным в 1930-х гг. за границей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru